Клуб бездомных мечтателей

Автор:
Лиз Мюррей

Клуб бездомных мечтателей

Лиз Мюррей

Проект TRUE STORY. Книги, которые вдохновляют (Эксмо)

«Мы и вы – не одно и то же. Вам принадлежат центральные улицы, нам – темные закоулки. Ваше время – день, наше – ночь. У вас есть будущее. Мы живем только «сейчас». Вы нас презираете. Мы вас ненавидим. Вы можете попасть в наш мир. Мы в ваш – никогда. Почти никогда». ЛИЗ МЮРРЕЙ родилась в одном из бедных районов Нью-Йорка в семье наркомана и проститутки. Несколько лет жила на улице. Сегодня – один из самых востребованных ораторов. Выступала на одной сцене со Стивеном Кови, Михаилом Горбачевым, Тони Блэром и далай-ламой. Историю ее жизни Ронда Берн включила в свой легендарный проект «Герой».

Лиз Мюррей

Клуб бездомных мечтателей

Liz Murray

Breaking Night: A Memoir of Forgiveness, Survival, and My Journey from Homeless to Harvard

Copyright © 2010 Liz Murray

This edition published by arrangement with Hyperion, New York, New York, USA. All rights reserved.

© Андреев А. В., перевод на русский язык, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Имена и внешность главных героев были изменены.

Эта книга посвящена трем людям, любовь которых помогла мне ее написать.

Эду Фермину. За годы, что мы провели вместе, и за годы, которые нам еще предстоят. Спасибо тебе за то, что ты заботился о моем отце. Спасибо, что делился со мной планами и мечтами, а также что ты – часть моей семьи. Спасибо за то, что ты мне всегда помогал. Когда я думаю, что в моей жизни было хорошего, я вспоминаю о тебе.

Артуру Флику. За советы, как лучше рыбачить, за поездки на мотоцикле и за все наши путешествия, которые я всегда буду вспоминать с теплотой и радостью. Спасибо за то, что был моим ангелом-хранителем и помогал мне понять, что говорило мое собственное сердце. Ты прав, Артур, человек сам выбирает свою семью.

Робин Дайан Линн, щедрой и великодушной женщине, которой можно доверять. Робин, твоя душа – настоящее золото, и ты на многое готова, чтобы помочь другим. Ты делаешь мир лучше. Спасибо за то, что показала, как надо быть верной самой себе в любых жизненных ситуациях.

Не давайте тому, что вы не можете сделать, помешать тому, что можете.

Джон Вуден

Тот, кто хочет петь, найдет песню.

Шведская пословица

Пролог

У меня осталась всего одна фотография моей матери. Небольшая черно-белая карточка, заломанная в нескольких местах. На ней мама сидит, немного ссутулившись, положив локти на колени. Я практически ничего не знаю о том периоде жизни матери, когда была сделана эта фотография. На обратной стороне оранжевым фломастером написано: «Напротив дома Майка на Шестой улице, 1971». В том году маме было семнадцать лет, то есть она на год старше, чем я сейчас. Я знаю, что Шестая улица находится в Гринвич-виллидж, но понятия не имею о том, кто такой Майк.

Судя по фотографии, мама была серьезным подростком. Ее губы плотно сжаты. Голову обрамляют черные кудрявые волосы. Больше всего мне нравятся ее глаза. Они – как два блестящих черных агата.

Я внимательно изучала черты матери, запоминала их и потом сравнивала со своим отражением в зеркале. Я распускала волосы точно так же, как у нее на фото. Стоя у зеркала, я медленно водила пальцем по своему лицу, начиная с глаз. Наши глаза очень похожи, правда, у матери они коричневого цвета, а у меня желто-зеленые, как у бабушки. Потом я начала сравнивать губы и поняла, что они у нас тоже очень похожи. Несмотря на то что у нас есть общие черты, моя мать гораздо красивее меня.

Я сравнивала наши лица много-много часов. Это была моя игра, в которую я играла, когда у меня не было дома и я жила у разных друзей. Ночью я подходила к зеркалу в ванной, запирала дверь и начинала сравнивать наши лица. Мои друзья мирно спали в соседней комнате. Их уложили спать родители, пожелав спокойной ночи. Пока они видели сны, я проводила у зеркала много часов, ощущая голыми ступнями холод от кафельного пола.

Я до рассвета стояла у зеркала. Если я ночевала у Джейми, то сразу после восхода солнца звенел будильник ее матери, после чего она шла в ванную. Если я ночевала у Бобби, то сигналом, что пора ложиться, были звуки грузовика, который вывозил мусор.

Я тихо подходила к своей раскладушке. Я никогда не позволяла себе слишком расслабляться, потому что не знала, где буду ночевать в следующую ночь. Потом я лежала на спине и продолжала в темноте водить пальцами по лицу, представляя маму. Я думала о том, что наши жизни очень похожи.

В шестнадцать лет мама тоже была бездомной. Она, как и я, бросила школу. Точно так же, как я, мама каждый день принимала решение, где она будет спать в эту ночь: на крыше, в парке, в подъезде или в метро. Мама жила в Бронксе, и о том, что на темных улицах она находится в опасности, ей постоянно напоминали сирены полицейских машин и небольшие плакаты с фотороботами преступников, наклеенные на фонарных столбах.

Я размышляю, было ли маме страшно. Мне вот в последнее время все время страшно. Я постоянно думаю о том, где буду спать ночью: у друзей, в пустом вагоне или где-нибудь на лестничной площадке.

Я медленно вожу пальцем по лбу и губам. Мне так хочется почувствовать мамино тепло, когда она меня обнимает. Я думаю о маме и начинаю плакать. Потом поворачиваюсь на бок, вытираю слезы и накрываюсь с головой выданным мне одеялом.

Я стараюсь прогнать мысль о маме и запрятать ее в самые глубокие недра подсознания. Я старюсь думать, что происходит за стенами дома, увешанного портретами членов семьи Бобби, уйти мыслями туда, где на улицах Бронкса пьяные латиноамериканцы, сидя на ящиках, играют в домино, громко стуча кулаками о стол, в который победитель «вбивает» свою последнюю фишку. Я стараюсь думать о чем угодно, и постепенно мамин образ исчезает. Если я продолжу думать о ней, я не смогу заснуть. Мне нужен сон, потому что через несколько часов я снова окажусь на улице, и мне некуда будет податься.

Мама, Шестая улица, Гринвич-виллидж, 1971

I. Опасный район

Впервые отец узнал обо мне, когда мама пришла навестить его в тюрьме. Мама подняла подол платья, чтобы показать через разделявшее их стекло свой большой живот. Тогда моей сестренке Лизе было уже чуть больше года. Мама взяла с собой и ее, чтобы отец на нее посмотрел.

Позже, размышляя о своей жизни, мама говорила так: «Мы с папой не это планировали. Так получилось, дорогая».

Мама начала употреблять наркотики, когда ей было тринадцать. Она говорила: «Мы с папой хотели бросить. Мы думали, что рано или поздно станем точно такими же людьми, как и все остальные. Папа хотел получить постоянную работу, а я мечтала, что буду стенографисткой в суде».

Мама употребляла кокаин внутривенно. Так белый порошок давал более сильный «приход», и его требовалось меньше, чем когда нюхаешь. Весь наркотик без потерь попадал в кровь, проходя по венам, как шаровая молния. После дозы мама чувствовала себя хорошо и была готова встретить новый день.

«Порошок дает мне энергию», – говорила она.

Мама стала наркоманкой еще подростком. Она выросла в доме, в котором царила атмосфера насилия и злобы.

«Бабушка была чокнутой, Лиззи. Папа приходил домой бухой и начинал всех нас бить – электрическими шнурами, палками – всем, что под руку попадалось. Бабушка после этого шла на кухню и убиралась, бормоча что-то, словно ничего особенного не произошло. Она вела себя словно, блин, Мери Поппинс, пока мы все зализывали раны».

Мама была старшей из четырех детей в семье. Она часто говорила о чувстве вины перед братьями и сестрами, которых бросила в тринадцать лет, когда ушла из дома.

«Я больше не могла там оставаться даже ради Лори и Джонни. По крайней мере, Джимми повезло, и его забрали в другую семью. Надо было выбираться оттуда как можно быстрее. Понимаешь, под мостом было удобнее и безопаснее, чем дома».

Я спросила маму, чем она занималась под мостами.

«Ну, дорогая, что мы делали… Общались с друзьями, болтали о жизни. О наших фиговых родителях. О том, что здесь нам лучше. Мы говорили… ну, и «торчали», конечно. А когда «торчишь», не имеет большого значения, где ты находишься».

Мамина наркозависимость началась с клея и марихуаны. Иногда она жила у друзей. Она зарабатывала на жизнь проституцией и порой работала курьером на велосипеде. Потом она постепенно перешла на амфетамин и героин.

«Тогда Гринвич-виллидж был совершенно запредельным местом. Я носила высокие кожаные сапоги, плащ-накидку и была худой, как палка. У нас тогда прикиды были очень серьезные, мы прикольно одевались. Говорили на жаргоне. Видела бы ты меня тогда!»

Когда мама познакомилась с папой в 1970?х, в моде были густые усы, диско-музыка и кокаин. Мама рассказывала, что отец был «красавцем и дико умным».

«Понимаешь, у него были мысли. А я общалась с полными недоумками и лузерами, а твой отец был совсем другим. У него голова хорошо варила».

Мой отец родился в семье ирландских католиков, проживавших в пригороде, из среднего класса. Его отец был капитаном морского корабля и сильно пил. Мать – работящая и тихая женщина, которая не хотела мириться с «мужскими глупостями», как она их называла.

«Лиззи, знай, твой дедушка был алкоголиком. Мерзкий человек, который много пил и очень плохо относился к людям, – сказал мне однажды отец. – А твоя

бабушка не захотела мириться с этим. Ей было наплевать, что тогда разводов было мало, она взяла и развелась».

После развода мой папа уже никогда не встречался со своим отцом.

«Он, Лиззи, был очень непростой человек. Наверное, даже хорошо, что он от нас ушел. С ним все было бы только сложнее».

Детские друзья папы описывали его как ранимого ребенка, который очень остро переживал расставание с отцом. Его мать нашла работу, на которой трудилась целыми днями, а мой папа был предоставлен сам себе. Он или сидел дома один или вечерами навещал своих немногочисленных друзей. Иногда даже казалось, что он растет не у себя дома, а в чужих семьях. Его отношения с матерью были далеко не идеальными.

«Твоя бабушка не была общительным человеком, – рассказывал мне папа. – Она – типичная ирландка-католичка. О чувствах мы в семье не разговаривали. Если ты произносил слово «я», то дальше надо было говорить «хочу есть» или «замерз». Без вариантов. Мы с матерью не говорили о личном».

Хотя моя бабушка, может быть, и не испытывала материнской теплоты к сыну, она делала все возможное, чтобы у него было обеспеченное будущее.
Она хотела дать ему хорошее образование. Она работала бухгалтером на двух работах и все деньги вкладывала в образование сына.

Папа учился в лучших католических школах Лонг-Айленда. В средней школе Шаминейд[1 - Элитная католическая школа, существующая с 1930 г. – Здесь и далее прим. перев.] отец сидел на одной скамье с детьми из самых богатых семей. Большинству его сверстников родители подарили на шестнадцатилетие первые автомобили, а папа добирался до школы на автобусах с пересадкой.

У папы были все предпосылки, чтобы стать успешным человеком. Однако частное образование не послужило хорошим стартом, потому что он стал наркоманом.

Папа читал американские романы, гостил на загородных дачах своих богатых одноклассников, игнорируя телефонные звонки матери, а в качестве развлечения «закидывался» амфетамином под трибунами на школьном поле

для игры в американский футбол.

Папа был умницей, но постоянное употребление наркотиков привело к тому, что в школе ему было сложно сосредоточиться, потому что ночами он не спал. В последний год обучения в школе папа подал документы и был принят в колледж, расположенный в центре города. Он думал, что образование в хорошем колледже обеспечит его будущее. Но старые привычки забываются с трудом, и отец продолжал «торчать» на Манхэттене.

Через пару лет папа направил всю свою энергию не на учебу, а на продажу наркотиков, превратившись в известного дилера. Окружавшие его подельники не имели никакого образования и называли его «профессором». Папа был в наркошайке главным и занимался вопросами стратегического планирования и развития бизнеса.

Он два года отучился на психологическом факультете и одновременно с учебой устроился за минимальную плату социальным работником. Однако поддерживать два разных стиля жизни – студента/социального работника и наркодельца – оказалось непросто. В конечном счете папин выбор решили деньги. Он забросил колледж, ушел с работы, снял квартиру в восточной части Гринвич-виллидж и вместе с бригадой отсидевших в тюрьме подельников полностью посвятил себя наркоторговле.

Вот в такой наркоманской среде мои мать и отец впервые повстречались.

Через пару лет после их первой встречи они снова увиделись в квартире общего знакомого. Гости танцевали диско, а на подносах, словно прохладительные напитки, были выложены жирные дорожки кокаина и амфетамина. Потом отец начал продавать матери наркотики. Мама жила на улице и никогда ранее не общалась с таким воспитанным и «продвинутым» человеком, как отец. У мамы было ощущение, будто она познакомилась с кинозвездой.

«Ты бы видела, как отец исполнял роль хозяина вечеринки. Он был лидером и вел себя так, что все начинали испытывать к нему чувство глубокого уважения».

Тогда маме было двадцать два, а папе тридцать четыре года. Мама одевалась по моде 1970?х – в микрошорты и балахоны в стиле хиппи. Папа говорил,

что у нее были пышные длинные черные волосы и проницательные глаза цвета янтаря. Он утверждал, что мгновенно в нее влюбился. Ему понравилось, что мама казалась одновременно невинной и жесткой.

«Она была совершенно непредсказуемой, – говорил он. – Было непонятно, наивная она или холодная и расчетливая. Она могла быть и той и другой».

Начался роман, и они стали неразлучны. Точно так же, как и любая другая влюбленная пара, они проводили время вместе, только в отличие от большинства не ходили в кино и рестораны, а вместе дырявили себе вену. Их объединили наркотики. Они принимали наркотики для того, чтобы заниматься сексом. Постепенно они отошли от своих компаний и подолгу гуляли по Манхэттену, взявшись за руки. Захватив с собой немного кокаина и пару бутылок пива, они уходили в Центральный парк, залезали на пригорки и, обнявшись, сидели в свете луны.

В начале 1977 года они начали жить вместе. Маме было двадцать три, когда в феврале 1978?го родилась моя старшая сестра Лиза.

Когда Лиза была совсем малышкой, папа взялся за осуществление одного из своих самых смелых планов. Он стал выписывать поддельные рецепты на болеутоляющие препараты для онкологических больных. Каждая из таблеток, по словам отца, могла «вырубить лошадь» и продавалась среди наркоманов по пятнадцать долларов за штуку. У папы со времен колледжа осталось достаточное количество знакомых, которые каждую неделю покупали несколько сотен таблеток, поэтому мама с папой просто купались в деньгах.

Папа не хотел сесть в тюрьму и действовал очень аккуратно. Терпение и внимательность к деталям, говорил он, способны сотворить чудеса. Он настаивал на том, чтобы все было сделано «правильно». Он внимательно изучил карту Нью-Йорка и разработал план посещения аптек, в которых мог «отоварить» рецепты, чтобы не светиться слишком сильно. Самым опасным моментом этой авантюры было получение товара, потому что, по закону, в случае с такими сильными препаратами аптекарь должен был позвонить доктору, выписавшему рецепт, чтобы удостовериться в его подлинности.

Папа разработал план обмана аптекарей. В те времена телефонная компания не проверяла документы доктора, который подключал себе новый рабочий

номер. Папа придумывал имена врачей, а иногда использовал имена профессоров, которые обучали его в колледже, например Ньюман, Коэн или Глассер. Аптекарь дозванивался до офиса «доктора» и говорил с его «секретаршей», которую изображала моя мама.

Мама с папой работали из дешевых меблированных комнат, которые снимали на неделю в разных частях города. «Рабочие дни» были длинными, и мама не могла заниматься Лизой. Ей тогда было всего несколько месяцев, и о ней заботились мамины друзья.

Наркоприятели помогали папе подделывать рецепты, а он делился с ними частью доходов. Подельники изготовляли печати с именами «докторов» и высококачественные фальшивые бланки рецептов. Папа превращал эти бланки и печати в золото. Он считал свой план абсолютно «безопасным», но однажды мама допустила ошибку.

Правда, папа признался, что и сам совершил ошибку.

«Нам не надо было самим употреблять эти препараты. Это совсем лишнее, только мозги сжигает и заставляет идти на лишний риск, чтобы получить таблетки».

В общем, мама из-за своей зависимости не заметила опасности или просто очень хотела получить таблетки. Папа неоднократно предупреждал маму, как будет вести себя заподозривший неладное фармацевт. Мама могла бы и сама догадаться, что надо скорее бежать, когда она занесла рецепт в аптеку, а после того, как пришла на следующий день за лекарством, аптекарь попросил ее подождать еще двадцать минут. За это время фармацевт позвонил в полицию. Папа предупреждал маму о таком сценарии, но в критический момент она не прислушалась к его советам.

Мама всегда была упорной и шла до конца. Потом она объяснила мне свое поведение в тот роковой день: «Я не могла вернуться с пустыми руками. Ведь шанс, что он вынесет таблетки, все-таки был».

По звонку фармацевта подъехала патрульная машина. На маму надели наручники, и полицейский забрал ее. В то время мама была беременна мной, хотя еще этого не знала.

Оказывается, что ФБР уже более года собирало информацию на людей, подделывающих рецепты, – то есть на моих родителей. Рецепты и кадры установленных в аптеках видеокамер стали неоспоримым доказательством преступной деятельности мамы и папы. Когда агенты ФБР пришли арестовывать отца в квартире в Ист-виллидж, они нашли дорогие шубы, золотые украшения, тысячи долларов наличкой и даже бирманского питона в большом аквариуме.

Моего отца обвинили в подделке документов. В день суда представители обвинения вкатили в зал три продуктовые магазинные тележки, доверху набитые поддельными рецептами, выписанными отцом.

– Вы можете что-нибудь добавить, господин Финнерти? – спросил папу судья.

– Нет, ваша честь, – ответил он. – Оставлю это без комментариев.

Суд хотел отнять у матери Лизу, но с момента ареста до суда мама регулярно посещала специальную программу для родителей с преступным прошлым. Кроме этого сердце судьи смягчил огромный живот мамы, и все обвинения с нее были сняты.

Мама была оправдана, а вот папа получил три года тюрьмы. В день, когда Рональд Рейган был выбран президентом, отца перевели в тюрьму Пассаик в городе Паттерсон, штат Нью-Джерси.

На суд мама принесла два блока сигарет и большую «колбасу» двадцатипятицентовых монет, чтобы звонить из тюрьмы. Она была уверена, что ее осудят и посадят. Однако судья удивил всех, включая маминого адвоката. Он с сожалением посмотрел на маму, осудил ее условно и закрыл дело.

До начала суда мама заплатила залог в тысячу долларов. Это были ее последние деньги. После получения условного срока маме вернули их в виде чека.

Мама решила использовать эти деньги на покупку краски, толстых занавесок и ковров для нашей трехкомнатной квартиры в Бронксе на Юниверсити-авеню – в месте, которое в последующие годы станет одним из самых опасных в Нью-Йорке из-за высокого уровня преступности.

Я родилась в первый день осени. В тот год лето выдалось на редкость жарким. Дети из нашего района открывали на улицах гидранты, выпускавшие фонтаны прохладной воды, а мама около каждого окна поставила по вентилятору. Днем 23 сентября[2 - Американцы не привязывают жестко смену времен года к первым числам определенных месяцев. В США считается, что времена года меняются с опозданием приблизительно на три недели.] 1980 г. моя бабушка по материнской линии позвонила отцу, который еще не был осужден, но находился под следствием, и сообщила о рождении дочери. В моей крови были обнаружены следы наркотиков, но, к счастью, я родилась здоровым и нормальным ребенком. Мама в период беременности мной и моей старшей сестрой продолжала употреблять. Я опи?сала взявшую меня в руки медсестру, принимавший роды врач признал меня здоровым ребенком, четырех с половиной килограммов веса.

«Питер, она очень на тебя похожа. Просто твое лицо».

В тот же день папа дал мне имя Элизабет. Мои родители не были официально женаты, и отец после родов не мог заявить о своем отцовстве, поэтому я получила фамилию Мюррей – по матери.

Дома меня ждала колыбелька в свежевыкрашенной детской комнате. Лицо работницы социальной службы, которая однажды пришла к маме, чтобы проверить, как идут у нее дела, выражало крайнюю степень удивления. Наша квартира была в идеальном состоянии, холодильник полон еды, а мы с Лизой одеты в новые платья. Мама была рада, что социальная работница написала о своем визите самый лестный отзыв. Ей выделили пособие, чтобы она могла растить детей, и наша новая жизнь на государственной дотации началась.

В последующие несколько лет мама время от времени без нас посещала папу и привыкала к своей новой роли трезвой матери-одиночки. Иногда мы все вместе ходили в соседнюю церковь Толентин, где монахиня выдавала маме «кирпичи» сыра, гигантские брикеты арахисового масла без соли и буханки хлеба в коричневых бумажных пакетах. Мама держала в руках всю эту снедь, а монахиня осеняла нас крестным знамением. Потом мы отправлялись домой, и моя старшая сестра Лиза везла меня в коляске.

Продукты из церкви, а также овсянку с изюмом мы ели на завтрак. На обед – хот-доги из свинины, которые в магазине Met Food стоили 99 центов за упаковку из восьми штук. В качестве гарнира к хот-догам мама делала макароны с сыром.

Наша бабушка по папиной линии помогала нам с одеждой. Она никогда не навещала нас, но одеждой помогала. К праздникам бабушка отправляла нам посылки, собранные в ее квартире на Лонг-Айленде, где, как говорил папа, на улицах стояли только красивые здания. В качестве коробок для посылок бабушка использовала большие картонки из-под бутылированной питьевой воды или туалетной бумаги, внутри которых таились сокровища. Под слоем газет в них лежала яркая детская одежда, кухонные принадлежности, чудесные, свежеиспеченные печенья с грецким орехом в красивых жестяных коробках.

В посылки бабушка вкладывала вежливые письма, написанные аккуратным почерком, которые мама никогда не читала. Бабушка прикалывала письма к крышке коробки с нижней стороны. Иногда вместе с письмом мы находили новую хрустящую пятидолларовую купюру.

Мама выкидывала письма бабушки, а деньги хранила в красной коробочке в комоде. Когда в коробочке накапливалось достаточное количество денег, она вела нас в McDonald’s и покупала «хэппи-мил». Себе на эти деньги она покупала сигареты, пиво в темных бутылках и мюнстерский сыр.

Папу выпустили из тюрьмы, когда мне было три года. В нашей квартире зазвучал мужской голос, который я слушала с удивлением. Я помню, что мама была очень рада. Папа быстро двигался, поэтому мне было сложно рассмотреть его лицо.

«Я твой па-па», – четко повторял он, словно я могла что-то не понять и напутать в этом двусложном сообщении.

Я пряталась за маминими ногами и тихо плакала. В ту ночь я спала не как обычно с мамой, а одна в своей кроватке. Из-за двери в мамину спальню слышались возбужденные голоса родителей.

В течение нескольких месяцев после выхода папы из тюрьмы мама стала с меньшим рвением относиться к своим обязанностям по дому. Она перестала убираться и на несколько дней оставляла немытой посуду в раковине. Она стала гораздо реже водить нас в парк. Долгими часами я сидела и ждала, пока мама обратит на меня внимание, и размышляла над тем, почему же теперь я ей не нужна. Я решила, что должна вернуть себе ее расположение.

Я поняла, что у мамы с папой есть общие привычки, которые они мне не объясняли. Они аккуратно и быстро раскладывали на кухонном столе ложки и другие предметы, словно готовились к какому-то таинственному ритуалу. Их слова были краткими, а общение быстрым. Обязательными составляющими их ритуала были небольшое количество воды из-под крана, ремни и жгуты. Стоя у двери на кухню, я внимательно наблюдала за движениями их рук, пытаясь понять, чем они занимаются. Завершив приготовления, родители говорили мне, что их не надо беспокоить, и закрывали дверь кухни, оставляя меня в полном неведении по поводу того, что должно было произойти.

Однажды летним вечером я поставила свою детскую коляску (ту, которая, в конце концов, сломалась от моего веса) прямо перед закрытой дверью кухни. Я никуда не ушла, а решила подождать. Я наблюдала, как тараканы заползают в щель под кухонной дверью. С тех пор, как мама перестала регулярно убираться, тараканов у нас стало много. Время шло. Наконец дверь открылась, и мама вышла. Ее лицо было напряжено, а губы плотно сжаты. Я почувствовала, что она закончила свои дела.

Я подняла руки и сказала:

– Дело сделано!

Мои слова маму немного ошарашили. Она наклонилась ко мне и спросила:

– Что ты говоришь, дорогая?

– Дело сделано! – радостно повторила я, довольная тем, что она обратила на меня внимание.

Мама крикнула в сторону кухни:

– Питер, она все знает! Посмотри на нее, она уже все понимает!

Я была в восторге от того, что мне нашлась роль в игре родителей, и каждый раз, когда они закрывали за собой дверь кухни, я становилась напротив двери.

В конце концов они перестали закрывать дверь.

* * *

К тому времени, когда мне исполнилось пять лет, наша семья из четырех человек окончательно и бесповоротно превратилась в бесполезный балласт для американского общества, которое обязано было нас содержать. Первого числа каждого месяца маме приходил чек, и этого дня в нашей семье ждали, словно Нового года. С раннего утра атмосфера в доме была радостной. Воздух словно заряжался электричеством, и мы, дети, знали, что мама с папой будут в хорошем расположении духа, по крайней мере, в ближайшие сутки. И в этом смысле родители всегда оправдывали наши ожидания.

Правительство оказывало социальную помощь тем, кто по каким-либо причинам был не в состоянии работать. Правда, многие живущие на пособие соседи, которые с таким же нетерпением ждали приближения первого числа и синего конверта в почтовом ящике, внешне казались мне совершенно здоровыми. Мама получала пособие из-за заболевания глаз, которое было у нее с рождения. Я лично присутствовала на интервью, после которого социальные службы приняли решение, что мама имеет право на пособие.

Сотрудница социальной службы сказала матери, что ее собственное заболевание глаз настолько серьезно, что если бы она села за руль автомобиля, то «смела бы все живое на своем пути». Потом соцработница взяла маму за руку и поздравила с тем, что та имеет право на пособие, и похвалила, что может самостоятельно переходить улицу.

– Распишитесь. Ваш чек будет приходить по почте первого числа каждого месяца, – сказала она на прощание.

И чек действительно приходил. В нашей семье ничего не ждали с таким нетерпением, как этот чек. Появление почтальона влекло за собой череду событий, неизменно повторявшихся из месяца в месяц. В эти дни я должна была извещать родителей о прибытии почтальона. Я сидела у окна и ждала нашего благодетеля.

«Лиззи, кричи, как только его увидишь. И всегда смотри налево, он приходит именно оттуда».

После того как я извещала родителей о появлении на горизонте почтальона, мама вынимала из комода свое удостоверение, брала чек из почтового ящика и как можно быстрее шла занимать очередь в пункт, где обналичивали социальные чеки. В ритуале, происходившем первого числа, я играла роль стоящего «на шухере» наблюдателя.

Я высовывалась из проржавевшей оконной рамы и вытягивала шею как можно дальше. Я ощущала огромную ответственность за поставленную передо мной задачу. Как только на горизонте появлялся почтальон в синей форме с тележкой (наш любимый Дед Мороз, который приходил двенадцать раз в год), я кричала родителям.

Мама обычно сидела в продавленном кресле и, нервничая, выдергивала из него кусочки набивки.

– Проклятье, он не торопится донести сюда свою задницу, – жаловалась она.

В это время папа ходил из угла в угол, в тысячный раз проговаривая план действий после обналичивания чека.

– Так вот, Джини, сперва мы покупаем немного «первого», потом оплачиваем счет за электричество. Потом берем двести грамм докторской колбасы для детей. И мне нужны деньги на жетоны для метро.

Увидев вдалеке почтальона, я оказывалась перед выбором. Я могла сообщить об этом сразу, а могла подождать несколько секунд, которые гарантировали полное внимание родителей к моей персоне. Мне было приятно, что родители думают обо мне, и казалось, что я для них что-то значу. Казалось, что моя жизнь для них важна точно так же, как и деньги, которые они ждали. Но, увидев почтальона, я никогда не могла сдержаться и сразу сообщала о его появлении. Мой крик: «Я вижу его! Идет!» означал, что в действие вступал план, разработанный родителями на день.

* * *

В месте, где обналичивали чеки, было все необходимое для привлечения внимания и взрослых и детей. Детям нравились автоматы, в которых

за двадцать пять центов можно было купить маленькие игрушки в прозрачной пластиковой упаковке. Мои сверстники с нетерпением ждали монеток, которые родители давали им после обналичивания чека, и бежали к автомату, чтобы получить кольцо с пластиковым пауком, фигурку динозавра, которая в воде увеличивалась в размерах в десять раз, или переводные картинки-татуировки с изображениями супергероев и красных сердец.

Над окошком кассира под стеклом на общее обозрение были выставлены лотерейные билеты, манившие тех, кто страдал от игровой зависимости, и женщин, которые надеялись, что несколько долларов могут принести неожиданную удачу. Женщины, купившие лотерейные билеты, перед тем, как стереть монеткой защитный слой над заветными цифрами, часто набожно крестились. Для большинства людей все эти «прелести» были недоступны до тех пор, пока они не отойдут со своими деньгами от окошка кассира.

Главным образом в очереди стояли хмурые женщины с детьми, держа в руках счета, которые необходимо оплатить. Мужчины (если они вообще присутствовали) толклись поодаль, подпирая стены помещения. Те мужчины, которые приходили вместе со своими женщинами, держались в стороне и ждали того благостного момента, когда чек превратится в деньги. Многие из них приходили заранее, чтобы вытрясти деньги из своих жен или подруг. Женщины отдавали им часть полученных средств и перебивались тем, что оставалось. Я настолько привыкла ко всему происходящему, что практически не обращала внимания на окружавших меня людей.

Лиза стояла около автоматов с детскими игрушками. Я держалась поближе к родителям, которые отличались от большинства присутствующих тем, что действовали слаженно и сообща. Родители были объединены общей целью, осуществить которую помогал мамин чек. Они предвкушали, и я купалась в волнах их радости.

Мне очень нравились минуты, которые я проводила в очереди вместе с мамой, – потому что тогда я могла быть ей полезной. Это был мой звездный час, то время, когда я была маме нужна.

«Впереди нас еще восемь человек, мам. Уже семь. Не переживай, кассир быстро работает и скоро всех обслужит».

Мама улыбается, и я знаю, что она мне благодарна. Пока я объявляю количество людей перед нами, ее внимание будет сконцентрировано на мне. Я бы вообще поменяла остаток дня на то, чтобы перед нами в очереди было на десять человек больше, потому что все это время мама гарантированно будет со мной. Мама слишком часто бросает меня и идет заниматься своими делами.

Однажды мы всей семьей пришли в театр Loews Paradise на улице Гранд-Конкорс, чтобы по уцененным билетам посмотреть «Алису в стране чудес». По пути в театр папа объяснял нам, что улица Конкорс когда-то была роскошным районом, в котором жили только богатые люди. Но это было раньше, потому что теперь вокруг нас были грязные кирпичные дома, кое-где украшенные кариатидами и облупившимися ангелочками, которые иногда обрамляют подъезды зданий. Наконец мы заняли свои места в пустом зрительном зале театра.

Мама не высидела с нами до конца спектакля. Она очень старалась, но три раза выходила «покурить», а когда вышла в четвертый раз, уже больше не вернулась. Когда вечером мы пришли с папой домой, в квартире играла грустная музыка. Мама глубоко затягивалась сигаретой и рассматривала свое худое голое тело в большом зеркале.

«Где были, ребята?» – спросила она абсолютно естественным тоном, и мне показалось, что мне приснилось, будто она ходила с нами в театр.

Но в очереди к кассиру для обналичивания чека мама никуда не могла убежать. Она могла ерзать и нервничать сколько угодно, но никуда не могла уйти без денег. В эти минуты я брала ее за руку и задавала вопросы о том, какой она была в детстве.

«Не знаю, Лиззи. Я была непослушным и плохим ребенком. Я воровала и прогуливала школу. Сколько еще людей перед нами, дорогая?»

Каждый раз, когда я оборачивалась к ней лицом, мама просила меня смотреть на кассира и считать, сколько человек осталось перед нами в очереди. Разговаривать с ней было непросто, потому что надо было следить за очередью и выуживать из нее ответы на мои вопросы. Я всегда уверяла ее, что мы уже почти у цели, хотя мне хотелось, чтобы нам пришлось ждать как можно дольше.

«Не знаю, Лиззи. Ты лучше, чем я была в твоем возрасте. Ты не плакала, когда была маленькой. Ты иногда издавала звуки, словно кашляешь: кхе, кхе. Ты очень мило и вежливо кашляла. Вот Лиза была просто сумасшедшей, она рвала мои журналы, била посуду, постоянно кричала. Но ты – никогда. Я, честно говоря, думала, что ты отстаешь в развитии или просто чокнутая, но врачи утверждали, что у тебя с головой все в порядке. Ты была хорошим и послушным ребенком. Так сколько людей перед нами, дорогуша?»

Я всегда задавала ей эти вопросы, даже зная, что она будет говорить мне одно и то же.

– А каким было первое слово, которое я произнесла?

– «Мама». Ты дала мне бутылочку и сказала: «Мама». Словно хотела, чтобы я бутылочку наполнила. С ума сойти.

– А сколько мне тогда было лет?

– Десять месяцев.

– А как долго мы живем в нашей квартире?

– Несколько лет.

– А сколько?

– Лиззи, двигайся. Скоро моя очередь.

* * *

В квартире мы расходились по разным комнатам. Мы, дети, сидели в гостиной, а мама с папой – на кухне. В отличие от всех остальных дней месяца, первого числа еды у нас было в достатке. Мы с сестрой ели «хэппи-мил» и смотрели черно-белый телевизор. Мама с папой суетились на кухне: позвякивали ложками, придвигали стулья, после чего наступала тишина. Мама плохо видела, поэтому искать и прокалывать ее вену приходилось папе.

После этого все мы вместе проводили остаток этого лучшего дня месяца. Мы сидели и лежали перед телевизором в гостиной. На улице периодически слышались сигналы автобусика, который развозил по району мороженое, а дети играли в салки.

Мы были вместе. Мои пальцы пахли маслом, на котором в McDonald’s жарят картошку, Лиза ела чизбургер, а мама с папой пребывали в блаженном отрубе.

* * *

– Лиззи, видишь щель между подушками дивана? Приложи к ней ухо, прислушайся и ты услышишь шум океана.

– Правда?

– Конечно. Не заставляй меня повторять тебе дважды, ты ведь знаешь, что я это не люблю. Сама решай: хочешь услышать прибой океана или нет.

– Хочу, хочу!

– Тогда прислони ухо между подушками и слушай.

– О’кей.

Когда я была совсем маленькой, моя старшая сестра Лиза была для меня непререкаемым авторитетом. Она обладала завидными талантами. Например, она умела заплетать волосы в косы, громко щелкать пальцами и насвистывать популярную мелодию из мюзикла «Очарованный». Она казалась мне настоящей королевой, хорошо осведомленной в самых разных важных вопросах. Все, что исходило из ее уст, я воспринимала как единственное объяснение мира. Даже если я была с ней в чем-то несогласна, то думала, что она более опытная и имеет доступ к секретным знаниям, наподобие того, как учительница арифметики знала и понимала свой предмет. Я свято верила всему, что говорила старшая сестра, которая этим пользовалась и часто довольно подло шутила надо мной.

– Хорошо, а теперь накрой голову подушкой от дивана.

– Зачем?

– Не зли меня. Ты хочешь услышать звук океана или нет?

Конечно, я хотела услышать звук океана. Я знала, что звуки прибоя таятся в морских раковинах, которые мы привозили из поездок с мамой на Очард-бич, с пляжа, который на самом деле был расположен очень далеко от океана. Так почему же нельзя услышать звук прибоя в щели между двумя подушками дивана? Откуда я могла знать, что Лиза собирается сделать после того, как я накрою голову подушкой? Как я могла догадаться, что она сядет мне на голову и громко пукнет прямо в лицо?

– Вот тебе, Лиззи, звук океана! Чувствуешь морскую прохладу и брызги прибоя? – смеялась сестра в то время, как я пыталась из-под нее выбраться.

На Хэллоуин Лиза вместе со своей подругой Дженесой «попробовали для моей безопасности» все конфеты, которые я собрала за вечер у соседей, оставив мне только самые невкусные леденцы, полученные от нищей старушки. Пока подруги «проверяли» мои конфеты, я прятала в кулачке пластинку жевательной резинки и думала, что их обманула.

Несмотря на это определенные плюсы от того, что у меня была старшая сестра, все-таки были. Благодаря Лизе я кое-чему научилась. Я видела, как она «разруливает» те или иные домашние ситуации, и получала бесценный опыт, которым пользовалась.

Я наблюдала поведение Лизы с родителями и училась на ее ошибках. По крайней мере, сестра помогала мне понять, что не стоит говорить родителям и как не надо с ними себя вести. С ее помощью я могла добиваться родительского одобрения и внимания, что для детей в нашей семье было совсем не простой задачей.

В те времена суббота была специальным днем, когда жители Манхэттена могли выбрасывать на помойку мебель и крупногабаритные предметы. Наличие такого дня и относительная близость к центру давали папе основания утверждать, что «наша жизнь прекрасна». Жители центра города выбрасывали на помойку вещи, которые были практически новыми. Оказавшись у мусорного контейнера,

надо было просто внимательно смотреть, что в нем находится, и выбирать нужные вещи.

У папы на примете было несколько «богатых» помоек, которые он регулярно посещал. Часть своей добычи он отдавал мне. В моей комнате уже стояло несколько игрушечных солдатиков, краска на которых кое-где облупилась. Папа подарил мне старые наручники, которые я прикрепляла вместе с игрушечным пистолетом к ремню и изображала полицейского. Кроме этого в моей коллекции был найденный отцом набор маленьких мячиков в кожаном мешке, которыми можно играть в вышибалы.

Возвратившись с помойки, папа приносил добычу и рассказывал, как и где он добыл все это богатство. Он говорил, как спокойно рылся в мусоре, а прохожие разевали рты от изумления, когда он находил дорогие и абсолютно функциональные вещи. В этих историях папа всегда выступал героем, недооцененным людьми, которым приходится менять свое мнение после папиных подвигов.

Иногда я обходила помойки вместе с ним. Я чувствовала себя довольно странно, когда папа, не обращая ни на кого внимания, деловито рылся в помойке, а рядом проходили незнакомые люди. Я старалась представить, как они видят моего отца, одетого в грязную фланелевую рубашку, аккуратно заправленную в замызганные джинсы, который что-то бормочет себе под нос, изучая содержимое контейнера. Какое впечатление должен был производить этот человек с темными волосами, красивым и суровым лицом, стоящий тут с маленькой дочкой? Что думали о нем люди, которые стороной обходили помойку с ее неприятным запахом? Мне было очень неудобно, и казалось, что я голая.

Папа заметил мою реакцию и спросил:

– Лиззи, тебе что, стыдно?

Он выпрямился над кучей мусора и снял с головы бейсболку.

– Какая разница, что они о нас думают! – Он внимательно посмотрел мне прямо в глаза и наклонился поближе. – Если ты видишь что-то хорошее – бери, и пусть они все, что думают, себе в задницу засунут. То, что они думают, это их

собственные проблемы, а не твои.

Я почувствовала гордость от того, что папа делится со мной такими важными жизненными секретами. Ага, значит, не надо обращать внимания на то, что люди о тебе думают. Я хотела принять папину жизненную позицию, но понимала, что не могу сделать это прямо сейчас, и мне предстоит над этим поработать. Иногда у меня даже получалось: когда я собирала всю силу воли, мне удавалось пренебрежительно улыбаться прохожим, которые пялились на нас с папой. В эти моменты я повторяла про себя папины слова: «Это их собственные проблемы, а не мои».

Папа искренне считал поиски «сокровищ» на помойке благородным занятием и испытывал определенную гордость за то, что делает. Он много раз рассказывал историю, как нашел практически новый электросинтезатор в тот момент, когда какой-то прохожий назвал его «собирателем падали». Увидев синтезатор, прохожий спросил, собирается ли папа взять его себе или оставить. Папа с особенным удовольствием любил повторять ответ, которым он наградил прохожего: «Размечтался, парниша».

«Они потеряли, мы приобрели», – говорил папа, когда выдавал мне найденные на помойке почти новые игрушки или дарил маме блузку с разошедшимся швом, который можно было легко зашить.

Вернувшись с «охоты за сокровищами», папа садился на кровать и, напевая какую-то старую песню, слова которой было совершенно невозможно разобрать, начинал медленно открывать сумку с добычей. Мы окружали его и с нетерпением ждали, что он нам покажет. В этот момент папу нельзя было отвлекать, потому что он не любил, когда прерывают последовательность его действий. Если его перебивали, он терял логическую нить, и ему приходилось начинать все сначала, отчего он очень злился. Мама называла эту папину привычку маниакальной.

Мы с Лизой сгорали от нетерпения.

– Что ты принес? Скажи, что? – спрашивала Лиза.

– Папа, пожалуйста, скажи, – поддакивала я.

– Ребята, не торопитесь.

Папа не мог расстегнуть молнию сумки. Молнию не заело, просто папа расстегивал ее как-то по-своему. Он продолжал напевать и медленно ковыряться с молнией.

– Дааа-да-дум, дорогая, ты моя единственная, – напевал он.

Мама только что проснулась. Она смотрела на нас и молчала.

Наконец папа извлек на свет божий игрушечный фен для волос из яркого розового пластика и передал его Лизе. В пазы и пластиковые швы игрушки забились грязь и пыль. Вместо кнопок на фене были наклейки с надписями «high» и «medium». Наклейки для самого слабого режима «low» не было.

Лиза закатила глаза и с иронией произнесла:

– Спасибо, папочка.

– Я был уверен, что тебе понравится, – ответил отец, роясь в сумке в поисках того, что принес для меня.

– Мы уже можем пообедать? – спросила Лиза.

– Через минуту, – ответила мама и подняла вверх палец, чтобы показать, что папа еще не закончил.

Наконец папа вынул из сумки сине-белый грузовик с зеркальными окнами на огромных шинах. Грязь забилась во все щели машины, от чего ее белые части стали серого цвета, словно эта игрушка проехала много километров.

Даже до того, как папа вынул и показал мне «подарок», я знала, как должна себя вести. Мое поведение с родителями и реакция на их действия были продуманными, и я всегда тщательно подбирала слова, которые им говорила. Я ничего не пускала на самотек и не полагалась на волю случая. Я действовала так, чтобы обратить на себя их внимание. В данном случае папа дарил мне игрушку для мальчика, и я точно знала, как надо реагировать на такой подарок.

Я прекрасно помнила многочисленные комментарии отца о «девчачьих» вещах и женском поведении.

Мама часто смотрела женские ток-шоу, на которых обсуждались вопросы «лишнего веса» и того, как «надо вести себя с мужем, не давая ему садиться на шею». Во время этих ток-шоу папа часто вставал, начинал ходить по комнате из угла в угол и изображать женское «нытье».

«О, мир так несправедлив ко всем женщинам! Давайте все друг другу пожалуемся! Ой, как все плохо!»

Папа отрицательно относился к привычке Лизы рассматривать свое лицо. Лизе нравилось сидеть перед зеркалом, внимательно изучать отражение, гримасничать, надувать губы, «строить глазки» и так далее. Она могла битый час провести за этим занятием.

Папа реагировал на это следующим образом: он закатывал глаза, поднимал подбородок, растопыривал пальцы и прислонял их к затылку, чтобы показать, будто у него на голове корона. В такие моменты папа начинал говорить высоким и писклявым голосом, который, как я поняла, ассоциировал со всем женским:

«Ну, посмотрите на меня, пожалуйста! Не хотите смотреть? Ну, тогда я сама буду собой любоваться!»

После этого папа начинал громко хохотать над собственными шутками, отчего Лиза съеживалась и уходила от зеркала.

«Козел», – тихо сказала она однажды в ответ на издевки папы.

Еще в самом раннем возрасте я решила, что буду смеяться над всем «девчачьим», чтобы угодить папе; я постараюсь, чтобы он позабыл, что я девочка. Я никогда не говорила высоким голосом. Платья для папы были «полной ерундой», следовательно, и меня эта одежда не интересовала.
Я поняла, что моя тактика сработала, когда папа начал приносить мне игрушки для мальчиков. Передавая их мне, он смотрел на меня долго и с улыбкой, как никогда не смотрел на старшую сестру.

Я резко выхватила машину (которая мне действительно понравилась) у него из рук и громко воскликнула:

– Вау! Спасибо, папа!

Я начала возить грузовик по столу и издавать урчащие звуки мотора.

Папа улыбнулся и снова засунул руку в сумку. Он повернулся к маме и сказал:

– И, наконец, самое интересное.

Мама смотрела на него выжидательно. Она направила на нас вентилятор, но прохладнее из-за этого не стало, потому что вентилятор продолжал гонять горячий и влажный воздух.

«Наверняка, это что-то очень любопытное», – подумала я, глядя, как папа разворачивает газеты, в которые был аккуратно завернут последний предмет.

– Смотрите, – гордо произнес он, держа на вытянутых пальцах коробочку для украшений из толстого стекла, как официант, который подает к столу изысканное и дорогое блюдо.

Мама издала длинный вздох восхищения и взяла коробочку в руки. До этого она не проявляла никаких чувств, но теперь ее реакция подсказала мне, что маме коробочка очень понравилась. Правда, я не знала, что она в ней будет хранить, потому что драгоценностей у нее не было, но это уже совсем другой вопрос. Мама рассматривала коробочку, а папа рассказывал:

– Ты бы видела, какое выражение лица было у женщины, которая смотрела, как я роюсь на той помойке. Но ты прекрасно знаешь, как я реагирую на подобное поведение. – Он поднял правую руку с вытянутым средним пальцем: – Да пошла ты! Не лезь не в свое дело.

Внутри стеклянная коробочка оказалась неглубокой. Крышка ее была сделана из толстого серебра со сложными узорами на внешней стороне. В углу крышки красовалась серебряная роза. Если повернуть розу, то коробочка начинала издавать мелодию, а роза медленно крутилась, словно балерина. В общем,

коробочка была изумительно прекрасной. Я тут же захотела, чтобы папа подарил ее мне.

– Папа, можешь мне ее подарить? – опередила меня Лиза. Папа молчал.

– Такая хорошая вещь. Зачем ее выбрасывать? – спросила мама.

– Не знаю. Я нашел ее на помойке под домами с лифтами на Астор-плейс, – ответил папа, резкими и быстрыми движениями развязывая шнурки. Обычно он завязывал шнурки на двойной или даже тройной узел.

– Хорошо, мы можем наконец-то поесть? – спросила Лиза.

Я была рада, что она подняла этот вопрос, потому что в животе у меня бурчало от голода, но сама я не осмеливалась напомнить о еде. Мы с утра ничего не ели. На завтрак у нас были куски хлеба с майонезом. Мы часто ели на завтрак хлеб с майонезом и яйцами. Мы с Лизой дружно ненавидели и то и другое, но, по крайней мере, такая однообразная диета не давала нам помереть от голода. Запивали мы все это обычной водой. Прошло пять дней после получения маминого чека, денег уже не было, да и большая часть еды из холодильника тоже исчезла. Я была очень голодна.

– Подождите, – сказал папа. – Мне тут с одним вопросом нужно разобраться.

Лиза села смотреть телевизор, а мама с папой ушли в спальню. Я наблюдала за тем, чем они занимаются, из своей комнаты.

Мама что-то искала среди пластинок в кладовке. Поскольку в доме был папа, она вряд ли поставила бы пластинку Джуди Коллинс[3 - Американская фолк– и поп-певица, популярная в конце 1960?х – начале 1970?х годов.]. Мама была в хорошем настроении, поэтому искала, наверное, что-нибудь полегче. Потом мама с папой начали слаженно работать, занимаясь чем-то мне еще не известным.

Папа сидел на краю кровати и просеивал пальцами какое-то вещество, похожее на грязь. Потом он взял со скрипучей тумбочки у кровати журнал New Yorker,

положил его на колени и взял в руки бумагу для самокруток. На журнале он скрутил самокрутку, проведя языком по полоске клея на бумаге, потом забил ее непонятным веществом. Мама несколько раз щелкнула зажигалкой и зажгла самокрутку. Она три раза глубоко затянулась, после чего передала ее папе. Я никогда раньше не видела, чтобы папа курил.

– Вы чем там занимаетесь? – не удержалась я. Я стала спрашивать их, почему они не курят уже свернутые сигареты, которые мама хранит в комоде, и почему эта сигарета не пахнет табаком.

Родители нервно рассмеялись.

– Лиз, ладно, довольно вопросов, – сказал папа, захихикал и снова передал сигарету маме. Мне показалось, что я веду себя наивно, и я покраснела. – Довольно вопросов, – повторил папа.

Я почувствовала странный запах дыма и закрыла нос воротом рубашки, чтобы им не дышать. Мои родители уже были в своем, далеком от меня мире, в который мне не было доступа. Я начала глазами искать глаза матери в надежде на то, что она расскажет мне секрет, но мама избегала моего взгляда. Журнал New Yorker со странным веществом лежал на кровати.

– Мы будем есть или нет? – с раздражением выкрикнула моя старшая сестра в тот момент, когда на экране появились титры после кинофильма.

– Сейчас, дорогая, – ответила мама и неуверенно двинулась на кухню. Она делала большие шаги, словно космонавт на поверхности Луны. Никто, кроме меня, не заметил ее странной походки и поведения.

Конфликт начался сразу после того, как мама поставила перед нами тарелки с едой.

– Я больше не могу есть яйца, – пожаловалась Лиза. – Я хочу курицу.

– У нас нет курицы, – спокойно ответила мама и вернулась в комнату к папе, чтобы затянуться странной сигаретой.

– Я хочу настоящей еды. Меня тошнит от яиц, мы их каждый день едим. Одни яйца и сосиски. Я хочу курицу.

Папа в спальне согнулся от смеха, а потом произнес:

– Представь, что яйцо – это маленькая курица.

– Да пошел ты! – огрызнулась Лиза.

– На самом деле вкусно, – примирительным тоном сказала я.

– Не ври. Я знаю, что ты это не любишь точно так же, как и я, – прошипела Лиза.

Она не поддерживала мою соглашательскую политику, направленную на примирение всех членов семьи. Лиза считала, что на родителей надо давить и требовать то, что ты хочешь.

Я показала ей язык и начала густо поливать свою яичницу кетчупом, чтобы забить вкус яиц. Лиза была совершенно права, и я действительно ненавидела яйца. По телевизору показывали, как Дональд Трамп «ручкается» с каким-то начальником из мэрии. Я начала есть быстрее, стараясь чаще глотать, чтобы поскорее закончить эту муку. Я катала игрушечную машину вокруг тарелки и «озвучивала» движение рокотом воображаемого мотора, отчего кусочки яичницы изо рта летели в Лизу и оказывались вокруг меня на столе.

Лиза продолжала препираться с мамой, но я знала, что мать не переспорить. Если в доме не было никакой другой еды, кроме яиц, то надо есть яйца. Я прекрасно понимала и соглашалась с этой логикой. Если бы Лиза помолчала, мы бы спокойно могли есть и не спорить. Но с другой стороны, я была рада тому, что Лиза собачится с родителями, потому что на ее фоне я выглядела паинькой. Я хотела стать хорошей и послушной дочерью, которая не любуется на себя в зеркало, любит играть в машинки и без пререканий ест яичницу.

Но Лиза не сдавалась. Когда она окончательно и бесповоротно поняла, что курицы ей не предложат, она заорала: «Я вас ненавижу!» – но к тому времени в спальне стоял коромыслом дым, слышалась гитарная музыка с мужским вокалом, и никто из родителей ничего ей не ответил.

Лиза считала, что достойна лучшей участи. Если бы меня спросили – почему, я бы ответила, что это наверняка связано с событиями, которые произошли за год до моего рождения.

Когда мама была мной беременна, у нее произошел нервный срыв. Папа тогда сидел в тюрьме, и маме было сложно заботиться о маленькой Лизе, поэтому мою старшую сестру передали на восемь месяцев на воспитание в приемную семью.

Лиза попала в богатую бездетную семью, в которой о ней очень заботились. Ей было там так хорошо, что, когда мама пришла ее забирать, Лиза заперлась в кладовке и отказалась выходить. Маме пришлось силой вытянуть плачущую Лизу из ее укрытия и притащить в квартиру на Юниверсити-авеню. Кажется, что Лиза так и не смирилась со своей участью, и ей очень сложно угодить. Судя по всему, у нее выработалось ощущение, что ее обделяют и ей все должны. Каждый раз, когда она получала меньше, чем рассчитывала, она топала ногами и громко негодовала. А она практически всегда считала, что получает меньше, чем ей положено.

Лиза в очередной раз прокричала: «Я вас ненавижу», сложила на груди руки и уставилась в экран телевизора.

– И вообще, я совсем не бедная. Мой папа – Дональд Трамп! – громко заявила она.

– Ну, тогда проси курицу у папы Трампа, – сострил папа.

Мама начала хохотать, а сам папа бил себя по колену от смеха.

Резким движением Лиза своей тарелкой толкнула мою так сильно, что кусочки яичницы разлетелись по всему столу. Она встала и демонстративно проследовала в комнату, с грохотом хлопнув дверью. Этот звук потонул в завываниях хрипящих колонок. Мама с папой переместились в гостиную и растянулись на подушках, как червяки, у которых полностью отсутствуют кости.

– А я, между прочим, все яйца съела, – гордо заявила я, но меня никто не услышал.

* * *

Моя бабушка по материнской линии жила в районе Ривердейл напротив парка Ван-Кортландт, в доме, выстроенном в 1960?х годах. Бабушка курила, молилась и ежедневно звонила нам из телефонного автомата. Контакт с бабушкой был единственной семейной связью, которой бог нас благословил.

Папина мама, как я уже писала, время от времени отправляла нам посылки с Лонг-Айленда. Но из-за того, что отец был наркоманом, все остальные члены его благополучной семьи обходили его стороной. За всю мою жизнь ни одни папины родственники ни разу не навестили нас в Бронксе.

Несмотря на то что мама в тринадцать лет ушла из дома, они со своей матерью потом помирились. После того как мы с Лизой появились на свет, бабушка приезжала в гости регулярно, каждую субботу. Она покупала с пятидесятипроцентной скидкой по карточке пенсионера билет на автобус и прибывала к нам на Юниверсити-авеню.

Перед прибытием бабушки мама начинала судорожно убираться в квартире. Она заправляла простыни под матрасы, ставила немытую посуду в раковину под поток горячей воды из крана, заметала пыль под кровать и распыляла освежитель для воздуха прямо над нашими головами.

Во время уборки перед визитом бабушки Лиза сидела у телевизора и смотрела музыкальную передачу Video Music Box, периодически говоря, что мама не стеклянная и ей ничего не видно. Передача шла по каналу, который у нас ловился плохо, поэтому картинка была очень зернистой.

Бабушка приезжала в двенадцать часов дня, и мама всегда начинала уборку прямо перед ее приездом. Однажды бабушка посетила нас в жаркий летний день. Она вошла в дверь в тот самый момент, когда капли только что распыленного освежителя начали конденсироваться из воздуха и появляться у меня на лбу. Бабушка была одета не по погоде слишком тепло и тяжело дышала после того, как поднялась по лестнице на второй этаж.

Я обняла ее и почувствовала резкий запах сигаретного дыма, исходивший от ее свитера. Ее седые волосы были аккуратно уложены в пучок. Зеленые глаза были

ясными, а кожа – морщинистой со старческими пятнами. Лиза даже не отвела глаза от телеэкрана, и бабушке пришлось наклониться, чтобы ее обнять. Я обхватила бабушку за талию и спросила, как прошла поездка на автобусе. Бабушка на все вопросы всегда отвечала кратко и с улыбкой.

«Все было просто замечательно, моя дорогая. Благодарю Господа за то, что он мне позволил еще раз увидеть моих прекрасных девочек», – ответила она.

Бабушка была очень религиозным человеком. В своей кожаной дамской сумочке, которую она ни на секунду не оставляла и даже ходила с ней в туалет (эту привычку она объясняла тем, что дома у нее столько «ужасных прощелыг»), у нее лежала Библия короля Якова[4 - Перевод Библии на английский, выполненный под патронажем короля Англии Якова I и выпущенный в 1611 году.], две пачки сигарет, чай в пакетиках и заколки для волос.

Обычно никто, кроме меня, не стремился поддержать с бабушкой разговор. Мама утверждала, что бабушка настолько одинока, что готова заболтать любого человека, согласившегося ее слушать, и больше всего ее интересуют религиозные темы. Мама говорила мне, что я рано или поздно, как и все остальные, потеряю интерес и перестану общаться с бабушкой. Потом мама заявила, что у бабушки с головой не все в порядке:

«У нее не все дома. Я думаю, она страдает, что в свое время не смогла мне помочь. Лиззи, ты потом поймешь, что я имею в виду».

Но тогда я не могла понять. Бабушка была совершенно другой, чем остальные взрослые. Она отвечала на все мои многочисленные вопросы. Я интересовалось всем – начиная с того, из чего состоит радуга, кончая тем, кто из нас с Лизой больше похож на маму в детском возрасте. Бабушка спокойно отвечала на все вопросы и убеждала меня, что все на земле происходит по воле Господа. Мама смотрела на нас и говорила, что наша дружба родилась на небесах.

Бабушка обычно располагалась на кухне, где разливала чай и щедро делилась рассказами из Библии. Мне нравился бабушкин чай с двумя кусочками сахара и молоком, который я пила в дыму маминых и бабушкиных сигарет. Я сидела, поджав колени к подбородку, потягивала сладкий чай и слушала рассказы о том, что грехи не дадут человеку попасть в рай.

«Не ругайся, Лиззи. Бог не любит, когда сквернословят. Помогай своей матери и убирайся дома. Бог все видит, слышит и никогда ничего не забывает. Он знает, когда ты плохо поступаешь. Поверь мне, дорогая, очень много грешников не сможет войти во врата рая и жить в вечной любви. Будь осторожна, наш Господь Бог всемогущ».

Кроме религиозной темы бабушка была готова обсуждать всего лишь один вопрос – кем я хочу быть, когда вырасту.

«Я хочу быть комиком и читать со сцены шутки», – заявила я, вспомнив, как смотрела по телевизору передачи, в которых одетые в костюмы мужчины нервно рассказывали анекдоты невидимой публике, и их уверенность постепенно возрастала с каждым взрывом смеха. Мне казалось, что бабушка одобрит мою идею. Вместо этого она озабоченно посмотрела на меня и поставила стакан, чтобы поднять палец к небу.

«О боже! Лиззи, ни в коем случае не делай этого. Никто смеяться не будет, поверь мне. Дорогуша, тебе надо стать служанкой с проживанием. Я начала работать служанкой, когда мне было шестнадцать лет. Это прекрасно – ты живешь в чудесной семье, занимаешься их детьми, ешь бесплатно и вообще зарабатываешь на жизнь так, как богу угодно. Вот это вот замечательно! Стань служанкой с проживанием. И кроме всего прочего, это отличная подготовка к замужеству, поверь мне».

Мне было сложно понять, о чем вообще говорила бабушка. Я быстро представила себе жену и мужа, сидящих за квадратным столом в большом доме. У них есть младенец, здоровый орущий крепыш. Я должна обслуживать эту пару, лица которой словно в тумане, и этого младенца. Бабушка улыбнулась, словно хотела меня подбодрить. Ее видение моего будущего настолько меня разочаровало, что я решила: вслух я буду со всем соглашаться, но в душе о моих собственных желаниях никогда не забуду. Я улыбнулась и кивнула, делая вид, что всем довольна. Потом я быстро сказала, что мне надо взять кое-что из гостиной, и перешла к Лизе на диван.

Но бабушке не была нужна ни я, ни кто-то другой. Она не испытывала острой необходимости иметь собеседника для поддержания разговора. Если бабушка оставалась на кухне одна слишком долго, то она становилась на колени и продолжала вести разговор лично с богом. Лиза немного убрала звук телевизора, и мы услышали, что бабушка на кухне страстно читает «Ave Maria»,

клацает четками и доходит до состояния, когда ритма становится больше, чем слов. Это означало, что она вышла на «прямой контакт».

Лиза совсем выключила телевизор, когда молитвы стали громче. Меня испугал голос бабушки и как она просила знамения свыше о том, что ей делать, – словно она с богом по телефону говорила. В таком состоянии транса бабушка могла находиться часами. Она не двигалась и не открывала глаз, а на столе стыл чай с молоком в стеклянной кружке. На кухню во время бабушкиных трансов выходить было запрещено.

– Лиза, я хочу послушать.

Мне казалось, что бабушка «достучалась» до небес и, выслушав ее слова, я могу узнать совет бога. Лиза только скривилась в презрительной улыбке.

– Ты такая глупая, – ответила она. – Бабушка просто сумасшедшая. Это она верит, что слышит голоса. Она не говорит с богом, она – ку-ку.

Много раз мама рассказывала нам, каким ужасным было ее детство из-за психической болезни бабушки. Мама училась в школе, расположенной достаточно далеко, и должна была возвращаться домой всего через несколько минут после окончания уроков. Если она опаздывала хотя бы на пару минут, бабушка ее жестоко била.

Бабушка била ей всем, что под руку попадется: электрическими проводами, туфлями и так далее. В результате тело мамы от попы до колен представляло сплошной синяк. Бабушка ночью будила маму, ее сестру Лори и брата Джонни, давала детям в руки кастрюли и ложки и приказывала громко стучать и выкрикивать придуманную бабушкой фразу: «Итс-а?битс-пара-китус, итс-а?битс-пара-китус». Таким образом бабушка пыталась заглушить голоса в собственной голове.

Отчасти именно поэтому мама и ушла из дома. Она говорила, что любит слушать грустный блюз и фолк, которые напоминают ей то, что пришлось пережить в детстве.

«Все это сильно изменило мою жизнь, – объясняла мама. – Кем я могла после всего этого стать – мисс Америка?»

Потом бабушка находилась на сильнодействующих медицинских препаратах, которые – вместе с разговорами с богом – помогли ей немного успокоиться. Без таблеток и бога в ней очень быстро просыпалось что-то дьявольское.

«Но ты должна понимать, что она в этом не виновата, – убеждала меня мама, и я понимала, что она на самом деле очень любила бабушку. – Это наследственное. Такая же болезнь была и у твоей прабабушки. Раньше у меня самой бывали такие приступы, но не сильные. Я лечилась, и все прошло. А вот бабушка так до конца и не вылечилась. Она одной ногой находится совершенно в другом мире и ничего не может с этим поделать».

После того как папа однажды увидел, что у мамы галлюцинации и она слышит голоса, ее на три с половиной месяца положили в больницу Норд-Централ в Бронксе. До моего рождения маму лечили разными лекарствами, потом стали давать психотропные препараты, применяющиеся в том числе при шизофрении. Папа утверждал, что у мамы больше не будет приступов, ведь последний был уже очень давно. Я надеялась, что мама не заболеет, потому что мысль о ее болезни меня сильно пугала.

На кухне бабушка громко смеялась над шуткой, понятной только ей одной.

– Вот и понеслось, – сказала Лиза и покрутила пальцем у виска. До описываемых событий я не считала странные разговоры бабушки признаком сумасшествия и покраснела.

– Да я понимаю, что она не говорит с богом, – ответила я. – Ты что, считаешь, что я сумасшедшая?

* * *

Летом мы ходили в места, где можно было бесплатно поесть, например в школы, в которых давали бесплатные обеды. Нам с Лизой приходилось уговаривать маму встать с кровати, одеть нас, одеться самой и не опоздать к началу школьного обеда. Правда, мы очень редко приходили вовремя. Мама всегда тянула до последней минуты, а потом вскакивала и начинала суетиться.

– Сидите и не двигайтесь! – кричала мама. – Если вы будете ворочаться, мы точно опоздаем.

Мама расчесывала мне волосы гребнем, отчего моя голова дергалась из стороны в сторону, и мне казалось, что она вырвет клок волос.

– Больно, мама!

– У нас всего пятнадцать минут, Лиззи. Нам надо идти. Я расчесываю так нежно, как могу. Если ты перестанешь дергаться, тебе не будет больно, – говорила мама.

Я прекрасно понимала, что все это совсем не так. Лиза показывала мне язык. Она уже была готова, потому что ее волосы были мягче и их легче было причесать. От злости у меня горели щеки. Я твердо держала голову, когда гребень с мелкими зубчиками застрял в огромном колтуне. Мама с силой дернула, выдернув пучок волос, словно высохшую траву. Я зажмурила глаза, на которых мгновенно выступили слезы, и изо всех сил вцепилась в матрас.

– Ну, вот видишь, как все отлично расчесывается, когда ты сидишь смирно.

После этого я до вечера терла рукой место на голове, откуда она вырвала клок волос.

Мы опаздывали и рисковали прийти, когда еда уже остынет. Мы опаздывали третий раз за эту неделю. Могло быть еще хуже – если бы мы пришли тогда, когда еды вообще не осталось. Это было очень плохо, потому что до следующего чека оставалось еще долго и еды дома не было никакой, и бесплатный обед стал единственной возможностью один раз за день нормально поесть.

Стоял июль. Несусветная жара выгнала обитателей нашего района из квартир без кондиционеров на изрытый трещинами тротуар.

Я приветливо помахала рукой старушкам, которые устроились в шезлонгах на лужайке с выжженной травой. Каждая из старушек вынесла с собой радиоприемник. Они слушали радио и обменивались сплетнями и новостями.

– Привет, Мэри. – Я помахала рукой женщине, которая иногда давала мне пять центов на конфеты, когда мы встречались на лестнице нашего дома.

– Доброе утро, детки, доброе утро, Джини, – ответила та.

На углу около магазина пожилые пуэрториканцы, сидя на прогнивших ящиках, играли в домино. Мама называла их «грязными стариками» и говорила, чтобы я на них никогда не смотрела и близко не подходила, потому что у них грязные мысли и если им дать возможность, они готовы сделать самые грязные вещи. Проходя мимо пуэрториканцев, я смотрела на носки своих туфель, чтобы показать маме, какая я послушная. Пуэрториканцы кричали маме вслед слова, которые я не понимала: «Venga aqui, blanquita»[5 - Иди сюда, белая! (исп.).]. Они свистели и причмокивали, а их губы блестели от пива.

Потом мы прошли мимо нескольких маминых приятельниц, которые внимательно следили за своими играющими детьми. Связки ключей женщин были украшены брелоками с флагами Пуэрто-Рико и фигурками лягушек коки[6 - Вид листовых лягушек. Родина вида – Пуэрто-Рико, поэтому коки является одним из неофициальных символов острова.] в соломенных шляпах. Женщины поднимали вверх связки ключей и позвякивали ими, чтобы привлечь внимание детей. Малыши играли вокруг гидрантов, а ребята постарше тусовались около уличных перекрестков.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Элитная католическая школа, существующая с 1930 г. – Здесь и далее прим. перев.

2

Американцы не привязывают жестко смену времен года к первым числам определенных месяцев. В США считается, что времена года меняются с опозданием приблизительно на три недели.

3

Американская фолк– и поп-певица, популярная в конце 1960?х – начале 1970?х годов.

4

Перевод Библии на английский, выполненный под патронажем короля Англии Якова I и выпущенный в 1611 году.

5

Иди сюда, белая! (исп.).

6

Вид листовых лягушек. Родина вида – Пуэрто-Рико, поэтому коки является одним из неофициальных символов острова.

Купить: https://tellnovel.com/ru/myurrey_liz/klub-bezdomnyh-mechtateley

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить